

РАСТЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛИРИКИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

С.А. Щербаков

МГТУ им. Н.Э. Баумана (Мытищинский филиал), 141005, Московская область, г. Мытищи, ул. 1-я Институтская, д. 1
sa_scherbakov@mgul.ac.ru

Рассмотрены образы деревьев, трав и цветов в лирике Николая Рубцова. Дендронимический ряд поэта состоит из привычных для средней и северной Руси пород. Особо им любима и часто сопровождает лирического героя ива, что, судя по стихотворению «В горнице моей светло...», связано какими-то тайными нитями с сиротством поэта. Сквозным мотивом в творчестве Рубцова стал шум, производимый деревьями при ветре, что зафиксировано и в названии одного из его немногочисленных прижизненных сборников — «Сосен шум». Другое «шумящее» дерево Рубцова — береза. В стихотворении «В минуты музыки», где строка «И шум порывистых берез» звучит рефреном в первом и последнем четверостишиях, в пяти строфах уместилось глубокое размышление о вере, любви и надежде — трех краеугольных камнях христианского бытия. Травянистая растительность у Рубцова фигурирует, как правило, в собирательных образах травы и цветов. Персонификации удостоились подорожник, анютины глазки, колокольчик, ромашка, фиалка. Из красиво цветущих садовых растений, традиционных в лирической поэзии, — роза, «наследник розы — георгин», знак весны — тюльпан. Особое место в художественном мире поэта занимают семантически близкие, навеянные памятью о матери образы красных цветов из стихотворения «В горнице моей светло...» и аленького цветка из одноименного стихотворения. Они ассоциируются у Рубцова с горем и страданием, но в них сосредоточены неизбывная любовь и высшая красота, очищающие душу. Недаром, говоря о его поэзии, часто употребляют термин «катарсис».

Ключевые слова: деревья, травы, цветы, лирический герой, мотив, художественный образ

Ссылка для цитирования: Щербаков С.А. Растения в художественном пространстве лирики Николая Рубцова // Лесной вестник / Forestry Bulletin, 2018. Т. 22. № 1. С. 64–67. DOI: 10.18698/2542-1468-2018-1-64-67

В целом дендрологический мир лирического пространства Рубцова не слишком разнообразен. В нем присутствуют привычные для средней и северной Руси древесные породы: береза, вишня, дуб, ель, ива, осина, сосна, тополь. Встречаются и экзотические: акация, кипарис, пальма (отдельное стихотворение — «Пальмы юга»).

Деревья как персонажи в его стихах (особенно ранних) часто фигурируют «посмертно», и только «древесная эпитафия» напоминает об их жизнеспособной поре: «Там, где тополь шумел тогда, / Пень стоит... / А тополя нету», «И вдруг я встретил рухнувшие липы...», «Ночью я видел: / Ломались березы!», «Где дуб шумел и красовался, / Там пень стоит... / А дуба нет...» [1]. Драматически сломленные, обреченные, они распространяют свою неблагоприятную судьбу на житейские перипетии лирического героя: «Листвой пропащей, знобящей мглой, / Заносит буря неясный путь. / А ивы гнутся над головою, / Скрипят и стонут — не отдохнуть» [1]. Сами стихии диктуют им свои условия, подчиняют своей музыке: «На громких скрипках дремучих сосен / Играет буря...» [1] и т. д.

Сквозным же мотивом в творчестве поэта стал шум, производимый деревьями при ветре, что зафиксировано и в названии одного из его немногочисленных прижизненных сборников — «Сосен шум», что, конечно же, сразу напоминает название книги стихов Н. Клюева «Сосен перезвон» и

строки есенинского стихотворения: «Поет зима — аукает, / Мохнатый лес баюкает / Стозвоном сосняка» [2]. Впрочем, образ «звенящих сосен» вообще интернационален: «В русской и китайской поэзии сосна предстает как загадочный образ. В раскрытии его обращает на себя внимание любопытная деталь — звуковая характеристика: раскачиваемые ветром, сосны звенят, как колокол, от них по всему лесу идет звон. Впервые в русской поэзии об этом пишет Бунин: “Тоскующая песнь под звон угрюмых сосен...”» [3]. Таким образом, Рубцов следует в русле мировой поэтической традиции. С тем, правда, уточнением, что он, обладая уникальным слухом, позволявшим слышать «звуки, / Которых не слышит никто...» [1], говорил именно о шумящих, а не о звенящих соснах.

Н.М. Коняев, повествуя об истории создания сборника «Сосен шум», указывал: «Здесь, в Липином Бору, днем он диктовал машинистке свои тексты, а по вечерам, затопив редакционную печку, слушал шум ветра в деревьях.

*В который раз меня приветил
Уютный древний Липин Бор,
Где только ветер, снежный ветер
Заводит с хвоей вечный спор...
Да как же спать, когда из мрака
Мне будто слышен глас веков,
И свет соседнего барака
Еще горит во мгле снегов...*

В этом стихотворении шумят сосны стихотворения «В сибирской деревне», написанного на Алтае, но переключка на этом не стихает, эхо ее разносится по всем стихам сборника...» [4]. Обратим внимание на то, что при цитировании Коняевым опущена, на мой взгляд, наиболее важная, опорная строфа стихотворения: «Пусть завтра будет путь морозен, / Пусть буду, может быть, угрюм, / Я не просплю сказанье сосен, / Старинных сосен долгий шум...» [1]. Позднее, уже в другом контексте, Коняев признавался, что стихи из этого сборника поразили его «не только своей пронзительной лиричностью, но и тем гулом судьбы, что отчетливо различался в шуме рубцовских сосен...» [4].

Другое «шумящее» дерево Рубцова — береза. В стихотворении «В минуты музыки» строка «И шум порывистых берез» звучит рефреном в первом и последнем четверостишиях, придавая ему идеально законченную форму. Стихотворение это, несомненно, является лирическим шедевром и в плане содержания: в его пяти четверостишиях уместилось повествование о вере, любви и надежде — трех краеугольных камнях человеческого бытия. При этом вера представлена мотивом печальной отстраненности от нее («И путь без солнца, путь без веры...»), любовь — троекратным прямым упоминанием, а надежда — провиденциальной картиной:

*И все равно под небом низким
Я вижу явственно, до слез,
И желтый плес, и голос близкий,
И шум порывистых берез. [1]*

В. Коротяев в предисловии к сборнику «Подорожники» писал: «И не однажды, наверно, и многих посещал вопрос: кто дал поэту такую пристальность взгляда, такую чистоту слога, такой уникальный слух, способный различать звуки, “которых не слышит никто”?» [5]. Но в данном случае речь идет даже о большем и, казалось бы, недостижимом: слух и зрение лирического героя сливаются воедино, «рождая орган для шестого чувства» [6].

В стихотворении «Березы» их шум, звуча рефреном, ассоциируется у лирического героя с памятью о родителях: «Я люблю, когда шумят березы... / <...> / Ведь шумит такая же береза / Над могилой матери моей. / <...> / На войне отца убила пуля, / А у нас в деревне у оград / С ветром и дождем шумел, как улей, / Вот такой же желтый листопад...» [1]. В цикле «Осенние этюды» «береза старая, как Русь» наделена человеческими качествами: «шумит над девочкой... / И так вздыхает горестно и страстно, / Как будто человеческою речью / Она желает что-то рассказать» [1].

Особенно любима поэтом и часто сопровождает лирического героя ива: «Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно / Во мгле под обрывом безвестные ивы мои!», «И опять под ивами багряными / Расходился праздник невзначай», «Я лучше помню ивы над рекою», «Вздогнувшие ивы брызгают росой...» [1] и т. д. Ночным покоем осеняет она жилище лирического героя в стихотворении «В горнице моей светло...»: «Дремлет на стене моей / Ивы кружевная тень» [1].

И именно с ивой ассоциируется русский человек — женщина, а может, и сам лирический герой в стихотворении, где дерево выступает в качестве адресата поэтического высказывания:

*Зачем ты, ива, вырастаешь,
Над судоходною рекой
И волны мутные ласкаешь,
Как будто нужен им покой?*

*Преград не зная и обходов,
Бездумно жизнь твою губя,
От проходящих пароходов
Несутся волны на тебя!*

*А есть укромный край природы,
Где под церковною горой
В тени мерцающие воды
С твоей ласкаются сестрой... [1]*

Стихотворение «Ива» не часто попадает в поле зрения исследователей творчества поэта, поскольку содержание его ускользает от лобового толкования и, на первый взгляд, оно не обладает той провидческой декларированностью, которая присуща наиболее известным его произведениям. Однако оно примечательно глубоким обобщением судьбы человека, который лишен церковной защиты, на него несутся волны гибели. И напротив, «укромный край природы», находящийся в стороне от стрежневого течения реки, несет благодатную гармонию, ласку.

Травянистая растительность в произведениях поэта фигурирует, как правило, в собирательном образе травы: «Взбегу на холм и упаду в траву...», «Траву жуют стреноженные кони...», «И трава молочная, и мед...», «Как трава, как вода, как березы...», «Где травы я косил... [1] и т. д. Персонализации удостоился подорожник. «Подорожники» — так называются одно из самых известных стихотворений Рубцова и самая известная из его книг, составленная В. Коротяевым и вышедшая сотысячным тиражом в «Молодой гвардии» вскоре после смерти поэта. При этом образ подорожников раскрыт в четверостишии, не содержащем ни одного эпитета, «ибо поэт явно не ставил перед собой изобразительных задач» [7]:

*Приуныли нынче подорожники,
Потому что плача и смеясь,
Все прошли бродяги и острожники —
Грузовик разбрызгивает грязь. [1]*

Данное четверостишие абсолютно точно раскрывает биологические особенности подорожника: он комфортно чувствует себя именно на уплотненной пешим людом и гужевым транспортом почве, за что и получил свое название, а вот под колесами грузовика и подорожники «приунывают».

Из красиво цветущих садовых растений, традиционных в лирической поэзии, у Рубцова фигурируют роза, «наследник розы — георгин» [1], знак весны — тюльпан.

В большей мере его внимание привлекают луговые и лесные цветы: анютины глазки, колокольчик, ромашка, фиалка. Но поскольку «цвет не играет сколько-нибудь существенной роли в поэзии Николая Рубцова, и в этом, между прочим, состоит одно из коренных ее отличий от поэзии Есенина, переполненной цветом» [7], то хоть сколько-нибудь распространенные описания цветущих растений у него отсутствуют. В отдельную группу цветочных персонажей поэта можно выделить не имеющие ботанических названий «красные цветы» и фантастические «зеленые цветы», давшие название одной из его прижизненных книг.

Образ красных цветов из стихотворения «В горнице...» («В горнице моей светло. / Это от ночной звезды. / Матушка возьмет ведро, / Молча принесет воды. . . / Красные цветы мои / В садике завяли все...») [1]), по праву считающегося одним из шедевров лирики Рубцова, и образ аленького цветка из одноименного стихотворения занимают особое место в его художественном мире. Они имеют собственную творческую историю, тесно связанную с судьбой поэта. В прозаическом отрывке «Золотой ключик», обращаясь памятью к детству, Рубцов пишет: «Часто я уходил в безлюдную глубину сада возле нашего дома, где полюбился мне один удивительно красивый алый цветок. Я трогал его, поливал и ухаживал за ним всячески, как только умел. Об этом моем занятии знал только мой брат, который был на несколько лет старше меня. Однажды он пришел ко мне в сад и сказал: — Пойдем в кино. — Какое кино? — спросил я. — “Золотой ключик”, — ответил он. — Пойдем, сказал я. Мы посмотрели кино “Золотой ключик”, в котором было так много интересного, и, счастливые, возвращались домой. Возле калитки нашего дома нас остановила соседка и сказала: “А ваша мама умерла”. <...> Я ничего не понял тогда, что такое случилось, но сердце мое содрогнулось и теперь часто вспоминаю я то кино “Золотой ключик”, тот аленький цветок и соседку, которая сказала: *А ваша мама умерла...*». [1]

Сюжет стихотворения «Аленький цветок» в начале совпадает с вышеприведенными воспоминаниями — «В зарослях сада нашего / Прятался я как мог. / Там я тайком выращивал / Аленький свой цветок», а затем делает еще один поворот, наверное, тоже основанный на фактическом событии (даже если шестилетний ребенок и не знал о правиле приносить умершим цветы, старшие, скорее всего, подсказали ему): «Кстати его, нехстати ли, / Вырастить все же смог... / Нес я за гробом матери / Аленький свой цветок» [1]. «Аленький цветочек» из сказки Аксакова, аллюзивная связь с которым здесь очевидна, традиционно ассоциируется с, казалось бы, невозможным, но обретенным благодаря стечению обстоятельств и силе духа счастьем (как и фильм «Золотой ключик» — не случайно Рубцов акцентирует внимание на том, что из кино они возвращались «счастливые»). Образ красных цветов глубоко прочувствовал и прокомментировал биограф поэта Коняев, указав, что это «те красные цветы, которые в поэтическом мире Рубцова неразрывно связаны с матерью, с ее смертью... <...> Красный цветок нес шестилетний Рубцов за гробом матери... Чтобы полить этот увядший в памяти цветок, и приносит матушка воды» [5]. Образ «аленького цветка» ассоциируется у Рубцова с горем и страданием, но в нем сосредоточена высшая красота, очищающая душу, верная и пламенная, неизбывная любовь. Недаром, говоря о его поэзии, часто употребляют термин «катарсис».

Лирическое пространство Рубцова не отличается видовой многочисленностью флоры, но образы растений всегда сопрягаются у него с приметам Родины, ее неповторимой красоты, благословенной предрасположенности к доброму в своей божественной сущности человеку.

Список литературы

- [1] Рубцов Н.М. Звезда полей: собр. соч.: М.: Воскресенье, 1999. 672 с.
- [2] Есенин С.А. Полн. собр. соч. В 7 т. М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 1. 665 с.
- [3] Пчелинцева К.Ф., Ся Хун Фан. Символика растений в русской и китайской поэзии // Природа и человек в художественной литературе: Матер. Всерос. науч. конф. Волгоград, 2–6 октября 2000 г., ВолГУ. Волгоград: ВолГУ, 2001. С. 241–248.
- [4] Коняев Н.М. Николай Рубцов. М.: Молодая гвардия, 2001. 364 с.
- [5] Коротав В. Горит его звезда. Предисловие к кн.: Рубцов Н.М. Подорожники: стихотворения. М.: Молодая гвардия, 1976. 304 с.
- [6] Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1988. 632 с.
- [7] Кожин В.В. Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта. М.: Советская Россия, 1976. 88 с.

Сведения об авторе

Щербakov Сергей Анатольевич — д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка МГТУ им. Н.Э. Баумана (Мытищинский филиал), sa_scherbakov@mgul.ac.ru

Статья поступила в редакцию 27.10.2017.

PLANTS IN THE ARTISTIC SPACE OF NIKOLAY RUBTSOV'S LYRIC POETRY

S.A. Shcherbakov

BMSTU (Mytishchi branch), 1 st. Institutskaya, 141005, Mytishi, Moscow reg., Russia

sa_scherbakov@mgul.ac.ru

The article considers tree, herb and flower images in Nikolay Rubtsov's lyric poetry. The poet's dendronymic variety consists of species typical of the Middle and North Russia. Willow is distinctively loved by the poet and often follows the narrator what, as reflected by the poetry «Glaze in my chamber», is attributed with some secret lines to the author's orphanage. The noise produced by trees under the breath of wind became a cross-cutting motive in Nikolay Rubtsov's creative works what reflects in the name of one of the few lifetime collections «Pines' noise». Another noise-making tree is a birch. In the verse «During the minutes of music» where the line «And puffy birches' noise» sounds as a refrain in the first and last quatrains, the five strophes contain deep considering of belief, love, and hope, which are the three keystones of the Christian genesis. Grassland vegetation in Rubtsov's poetry basically figures as a generalized character of herbs and flowers, specific attention given to ribwort, cupid's-delight, bell-flower, chamomile, violet. Among traditional of lyric poetry finely blooming flowers are roses, «their heritors — dahlias» and tulips as spring's symbol. A very special role in the poet's artistic world belongs to semantically relative, inspired by his mother memoriam, characters of red flowers in the poem «In the chamber...» and the Scarlet Flower from the cognominal piece of poetry. The poet associates them with grief and suffering but they are also a centralization of inescapable love and supreme beauty which purge one's soul. No wonder people saying about his poetry use such appellation as «catharsis».

Keywords: trees, herbs, flowers, lyric character, motive, artistic image

Suggested citation: Shcherbakov S.A. *Rasteniya v khudozhestvennom prostranstve liriki Nikolaya Rubtsova* [Plants in the artistic space of Nikolay Rubtsov's lyric poetry]. *Lesnoy vestnik / Forestry Bulletin*, 2018, vol. 22, no. 1, pp. 64–67. DOI: 10.18698/2542-1468-2018-1-64-67

References

- [1] Rubtsov N.M. *Zvezda poley* [The Star of Fields]. Complete set of works. Moscow: Voskresen'e Publ., 1999. 672 p.
- [2] Esenin S.A. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete set of works] In 7 vol. Moscow: Nauka Publ.; Golos Publ., 1995–2002ю V. 1, 665 p.
- [3] Pchelintseva K.F., Sya Khun Fan. *Simvolika rasteniy v russkoy i kitayskoy poezii* [Symbolism of plants in Russian and Chinese poetry]. *Priroda i chelovek v khudozhestvennoy literature: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Nature and man in fiction: Materials of the All-Russian Scientific Conference]. Volgograd, VolGU Publ., 2001, pp. 241–248.
- [4] Konyaev N.M. *Nikolay Rubtsov*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 2001, 364 p.
- [5] Korotaev V. *Gorit ego zvezda* [His star is burning]. In book: Rubtsov N.M. *Podorozhniki: stikhotvoreniya* [Plantains: Poems]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1976, 304 p.
- [6] Gumilev N.S. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ., 1988, 632 p.
- [7] Kozhinov V.V. *Nikolay Rubtsov. Zametki o zhizni i tvorchestve poeta* [Notes on the life and work of the poet]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1976, 88 p.

Author's information

Shcherbakov Sergey Anatol'evich — Dr. Sci. (Philol.), Professor at the Department of Russian Language of BMSTU (Mytishchi branch), sa_scherbakov@mgul.ac.ru

Received 27.10.2017.